

— Что?

Цзюнь Тяньяо прикинулся дурачком. Он смотрел на слегка покрасневшие уши Цзимо Ци своими чистыми, широко распахнутыми глазами, изображая полное невинности недоумение.

— Ты... зачем ты трогал меня там?

Цзимо Ци говорил запинаясь. В свои двенадцать лет он имел лишь смутное представление о том, что касается плотских отношений, но даже эта неясная догадка и возникшее от прикосновения странное, щекочущее ощущение разрушили ту холодную стену, которую он так старательно выстраивал.

— Старший брат, я просто испугался, что ты снова начнешь тонуть, вот и обхватил тебя. Разве здесь есть что-то не так?

Чистый взгляд Цзюнь Тяньяо стал самым острым кнутом: он разбил вдребезги все подозрения Цзимо Ци. Юноша даже начал невольно корить себя за то, что слишком много думает:

— Ты мог бы просто обнять меня за талию!

Маленькая ладошка на груди продолжала намеренно или случайно дразнить его. Тело Цзимо Ци вздрогнуло. В едва начавшей развиваться нижней части живота поднялся невыносимый жар. Из-за контраста между холодной водой и охватившим его пылом он стал еще чувствительнее. Выдохнув сквозь зубы, он начал вырываться:

— От... отпусти!

Капля пота упала на шею Цзюнь Тяньяо, обжигая кожу.

— Старший брат, о чем ты... о чем ты думаешь!

Цзюнь Тяньяо словно внезапно все понял. Он дернул ногой, намеренно скользнув ею между ног Цзимо Ци, и, почувствовав твердый предмет, в глубине его глаз мелькнула скрытая усмешка.

— Ссс!

Цзимо Ци вскинул голову и застонал. Юноша в таком возрасте особенно легко поддается порывам. После столь наглых провокаций со стороны Цзюнь Тяньяо и его намеренно-небрежного подстрекательства, в нижней части тела Цзимо Ци проступило немного влаги.

Лицо юноши стало мертвенно-бледным, а холод, застывший в глубине глаз, сменился стыдом и растерянностью:

— Нет... я... прости!

Обернувшись, Цзимо Ци увидел лишь ошарашенное лицо миловидного ребенка. Он не умел жаловаться на свои обиды, а просто смотрел на него огромными, прозрачными, черными как смоль глазами, чувствуя себя потерянным и не зная, что делать.

— Прости, я буду нести за тебя ответственность!

Юноша был очень наивен в подобных вопросах. Глядя на Цзюнь Тяньяо, он произнес это торжественно, словно давая клятву.

— Э-э...

Цзюнь Тяньяо лишился дара речи. Он... он ведь просто хотел подразнить Цзимо Ци, он вовсе не добивался никакой ответственности! Серьезность в глазах Цзимо Ци заставила его осознать, что ситуация начинает развиваться в направлении, которое он никак не может контролировать.

— На самом деле, ты ничего такого и не сделал...

В Цзюнь Тяньяо внезапно проснулась совесть. Он не был против близости, но не любил искренних привязанностей, потому что больше не мог позволить себе отдавать их, да и не имел возможности.

Цзимо Ци плотно сжал губы и больше не стал возражать. Однако он начал сознательно помогать Цзюнь Тяньяо, работая конечностями, чтобы облегчить тому ношу. При этом его темные глаза слегка сузились: сквозь редкий лунный свет он пытался разглядеть, где находится ближайший берег.

— Плыви в ту сторону!

Цзимо Ци указал пальцем на северо-восток. Там виднелись смутные очертания чего-то похожего на заросли деревьев. Он не мог разобрать наверняка, но, глядя на Цзюнь Тяньяо, который выглядел немногим старше его самого и уже слишком долго держался на воде, таща его за собой, он понимал, чем это может закончиться. Ему оставалось лишь надеяться, что там действительно берег.

К удивлению Цзимо Ци, Цзюнь Тяньяо ни на мгновение не усомнился в его словах. Почти в тот же миг, как он указал направление, тот свернул на северо-восток.

— Ты... ты не боишься, что я ошибся?

Голос Цзимо Ци все еще был хриплым и грубым, но Цзюнь Тяньяо показалось, что он уже не так режет слух — возможно, из-за привычки. Он одарил Цзимо Ци самой невинной улыбкой:

— Я верю тебе!

Это прозвучало так естественно и доверчиво, словно Цзимо Ци и в самом деле был его верой и правдой.

Сердце, только что дрогнувшее, внезапно пронзила острая боль. Цзимо Ци вспомнил, почему глубокой ночью смотрел на берег реки в одиночестве. Днем его отец, лишь из-за клеветы Цзимо Цзюэ, не разбираясь в причинах, наказал его. Он до сих пор помнил слова отца: «Негодный сын, ты и впрямь жесток по своей природе! Как ты посмел оскорблять и бить своего младшего брата? Есть ли в тебе хоть капля братской любви?»

«Сегодня я прочту тебя как следует! Чтобы знал свое место и не позорил поместье в будущем!»

Тридцать ударов кнута, полученных тогда, до сих пор саднили, но тепло, исходившее от человека рядом, помогло выпустить наружу долго сдерживаемую боль.

— Спасибо...

Только он сам знал, за что благодарит. Цзюнь Тяньяо же понимал это по-своему:

— Старшему брату не за что меня благодарить, ведь это из-за меня ты упал в воду...

Цзюнь Тяньяо по собственной воле сократил дистанцию между ними, и, глядя на то, как на холодном, равнодушном лице его спутника проступает розоватый оттенок, подобный нежно-розовым лепесткам персика, он не посмел больше произносить никаких дразнящих слов.

Когда их ноги коснулись берега, ощущение твердой земли под ногами на мгновение вызвало у обоих легкое головокружение. Цзюнь Тяньяо хитро сверкнул глазами и, споткнувшись, повалился назад. Как он и ожидал, его плечи подхватила пара тонких, изящных рук. Аккуратные, округлые ногти и нежно-розовые кончики пальцев вновь мелькнули перед глазами Цзюнь Тяньяо, и недавняя мысль о том, что перед ним настоящий соблазнитель, снова пронеслась в голове.

— Осторожнее!

Все тот же безэмоциональный, грубый голос, но теперь Цзюнь Тяньяо слышал в нем отголоски нежности, чувствуя одновременно и торжество, и некое замешательство.

<http://bllate.org/book/21941/2279438>